ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 130
ББК 71Х93

И.А. Иванов

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МЕДИЦИНА В ВИЗАНТИИ

Рассматривается специфика византийского идеала благотворительности и его влияние на развитие медицины. Статья написана на материале исследований современных российских и зарубежных ученых. Особое внимание уделяется некоторым правовым аспектам византийской благотворительности.

Ключевые слова:
благотворительность, больница, Византия, лечение, медицина, монастырь, новелла, эллинизм.

В своем классическом труде «История византийского государства» выдающийся византинист XX века Г.А. Острогорский формулирует основу византийской культурной парадигмы: «Римская политическая концепция, греческая культура и христианская вера – вот три главных составляющих, которые определили развитие Византии. Без них жизненный путь Византии был бы невозможен. Проникновение эллинской культуры и христианской религии в лоно Римской империи дало возможность возникнуть такому историческому явлению как Византийская империя. Это соединение оказалось возможным благодаря все возраставшим деловым контактам Римской империи с Востоком, с необходимостью вытекавшим из кризиса в III веке. Первым видимым выражением этого явления было признание христианства и основание новой столицы на Босфоре. Оба эти события – победа христианства и перенос политического центра империи на эллинизированный Восток – отмечают начало Византийского периода. Таким образом, история Византии – это новая фаза Римской истории, так же как и византийское государство является лишь продолжением прежней *Римской империи*» [7, с. 25].

На протяжении всего существования Византии римские законы всегда оставались основой законности и права, а греческая мысль – основой интеллектуальной жизни страны. Греческие наука и философия, историки и поэты были образцами для подражания среди наиболее образованных византийцев. Сама церковь использовала интеллектуальные достижения и труды языческих философов для большей внятности проповеди христианского учения.

Такое прочное усвоение классических достижений стало особым источником силы Византийской империи. Укоренившись в греческой традиции, Византия в течение тысячелетия была крайне важным оплотом культуры и науки, а утвердившись в римской концепции государственности, Византийская империя заняла преимущественное положение в средневековом мире. Византийское государство обладало уникальной административной машиной, высококвалифицированной и хорошо отлаженной системой городского хозяйства. Ее военная техника – самая высокая по техническому уровню того времени. У нее были отличные законы, высокоразвитая экономическая и финансовая системы, громадное благосостояние. Обращение золотых монет стало в ней стержнем государственной экономики. По всем этим признакам Византия кардинально отличалась от других государств поздней античности и раннего средневековья с их натуральной экономикой.

Особенно же эллинистический идеал филантропии, усиленный христианской

заповедью о любви к ближнему, сказывался в области медицины. В Византии, в эпоху первого христианского государства, мы видим не только продолжение эллинской медицины, но и ее усовершенствование. Здесь применяется высокоразвитая фармакология, излечиваются инфекционные заболевания, совершаются операции самого разного вида. Но самым большим достижением этого времени было применение медицины в широком общественном спектре: в соответствии с христианским идеалом попечения о нуждающихся создаются приюты для сирот и вдов, госпитали для бездомных и нищих, больницы для прокаженных и немощных: *nosocomium* – для больных; *brephotrophium* – для подкидышей; *orphanotrophium* – для сирот; *ptochium* – для неимущих и немощных; *gerontochium* – для стариков; *xenodochium* – для бедных и больных паломников. Только за годы правления императора Константина (306–337) в Новом Риме было построено 30 дворцов и храмов, более 4 тыс. зданий для знати, два театра, цирк, ипподром, более 150 бань и 8 акведуков. В период с 325 по 843 гг. в Константинополе было 164 филантропических учреждения: 59 странноприимных домов, 49 больниц, 22 приюта для неимущих, 10 домов для престарелых, 8 бань и зернохранилищ, 7 родильных домов, 6 лепрозориев, 2 детских дома и 1 дом для слепых [8, с. 622]. В латинском тексте жития св. Пульхерии, сестры императора Феодосия II, говорится, что «она построила много домов для странников и бедняков» (Acta Sanctorum, XLIII). Самих же монашеских общин одно время было в Константинополе и предместьях 345.

Интересна история одного из старейших приютов для сирот в Константинополе, основанного св. Зотиком Сиропитателем. Наиболее раннее упоминание о Зотике относится к 472 г. – это распоряжение византийского императора Льва I о даровании особых прав и привилегий благотворительным учреждениям, в т. ч. и детскому дому (orphanotropheion) св. Зотика Сиропитателя [5, с. 52]. Как отмечает Т.С. Миллер, сведения о жизни Зотика дошли до нас благодаря «Похвальному слову» Константина Акрополита (в рукописи XIV в.), которое восходит к утраченному житию XI в. [4, с. 339]. Согласно этому тексту, Зотик принадлежал к числу вельмож, призванных императором Константином I Великим из Рима в основанный им Константинополь. Позже, поняв, что мирская суета и почести его не привлекают, Зотик принял сан священника. Когда в городе началась эпидемия проказы, император, чтобы пресечь ее дальнейшее распространение, повелел утопить всех зараженных в море. Зотик же решил спасти больных. Он явился к императору и попросил у того средств на приобретение драгоценных камней для государственной казны. Получив деньги, он отправился на берег моря, выкупил у палачей больных и переправил их на другой берег Золотого Рога на холм Элеонес. После кончины Константина I на престол взошел его сын Констанций II (337), он был еретиком-арианином и не любил Зотика Сиропитателя, однако не решался открыто обвинить его в распространении проказы. Дочь Констанция оказалась в числе больных и должна была быть казнена, однако Зотик спас ее в числе прочих, поселив на Элеонесе. Вскоре в городе начался голод, в котором обвинили Зотика. Констанций повелел схватить его, однако Зотик сам пришел во дворец. Император потребовал от Зотика отчет о потраченных государственных средствах, и Зотик предложил показать ему приобретенные драгоценности. Он привел Констанция туда, где собрал всех больных, и, выведя их из укрытий, указал на них со словами, что это и есть те самые драгоценности, приобретенные с великим трудом. В гневе император распорядился привязать Зотика к диким ослам и пустить их в поле. Когда мученик предал дух Господу, ослы человеческим голосом обличили жестокость императора, а на месте гибели святого забил источник с целебной водой. Увидев эти чудеса, Констанций раскаялся, приказал похоронить Зотика с почестями и построить на государственные средства приют для больных.

Делами широкой благотворительности известны были патриарх Константинопольский Тарасий и Симеон Новый Богослов. Патриарх Тарасий (730–806) вел суровую аскетическую жизнь и всё свое имение тратил на богоугодные дела, питая и покоя стариков, нищих, сирот и вдов, а на Пасху устраивал для них трапезу, на которой сам прислуживал. Про Симеона Нового Богослова известно, что, когда в конце X в. он прибыл в Студийский монастырь, за неимением свободной кельи он был размещен в странноприимнице, которая имелась в каждом монастыре. Позднее, будучи назначен игуменом пришедшего в упадок монастыря св. Мамонта, Симеон Новый Богослов сделал из него центр благотворительности, которая была настолько ши-

рокой, что некоторые чиновники подозревали его в растрате средств.

Восточная Римская империя имела явный приоритет по отношению к Западу в изучении медицины. Университет Константинополя, основанный императором Феодосием II в 425 г. (Pandidakterion), был первым университетом в мире (первый западный Болонский университет появился лишь в 1088 г.), и включал три факультета: медицины, философии и права. Пандидактерион располагался в здании дома сената – Magnaura. Кроме того, крупнейшим центром науки была Александрия. Она славилась своей медицинской школой, которая функционировала и после завоевания ее арабами (до начала VIII в.). Например, врач-христианин Аэций из Амиды учился в Александрии, затем служил начальником императорской свиты и врачом при дворе Юстиниана. Он написал руководство по медицине *Tetrabiblos* (Четверокнижие) в 16 книгах, которое, по сути, является компиляцией трудов Орибасия, Галена, Сорана и других авторов, а также содержит рецепты египетской и эфиопской медицины, охватывая, таким образом, почти всю практическую медицину региона Средиземноморья того времени.

В первой половине VII в. врачами Иоанном Александрийским и Стефаном Александрийским были составлены комментарии к Гиппократу и Галену. В Александрии получил медицинское образование Павел Эгинский, составивший руководство по хирургии. Известным современником Аэция был Александр Целитель из Тралл, сын врача. 12-томный труд Александра о внутренних болезнях и их лечении пользовался популярностью на протяжении всего средневековья. Он был переведен на латинский, сирийский, арабский и еврейский языки и стал широко известен как на Западе, так и на Востоке. Важные медицинские центры были в таких крупных городах, как Фессалоники и Никея. К XII в. медицинские учреждения имели достаточно кадров, чтобы обеспечить лечение в больницах и на дому. К услугам благотворительной медицины прибегали не только неимущие слои населения, но и средний класс, и даже аристократы, что говорит о высоком уровне лечения в благотворительных медицинских заведениях [5, с. 4].

Образцом для больниц столицы стала больница-приют св. Василия Великого в Кесарии Каппадокийской, основанная в 370 г. Это был приют, с отдельным изолированным помещением для прокаженных, помещениями для престарелых, детей-сирот, и для больных, которых лечили врачи. Что касается Константинополя, там вплоть до XIV в. сохранилось множество благотворительных учреждений. Так, русский инок Стефан Новгородец, в 1350 г. ходивший в Царьград поклониться святым местам, описал несколько странноприимниц и больниц Константинополя – приют и больницу преп. Зотика, приют Сампсона Странноприимца (ум ок. 530) между храмами св. Софии и св. Ирины, и больницу при монастыре св. Феодосии вблизи монастыря Пантократора.

Самой известной в Константинополе была больница св. Сампсона. Преподобный Сампсон Странноприимец был сыном богатых и знатных римлян. В молодости он получил прекрасное образование, изучил врачебное искусство и с любовью, безвозмездно лечил больных. Однажды тяжело больному императору Юстиниану (527–565) было откровение, что он может получить исцеление только через святого Сампсона. Помолившись, святой дотронулся до больного места рукой, и император получил облегчение, а вскоре совсем выздоровел. В благодарность он хотел наградить целителя золотом и серебром, но святой отказался и просил Юстиниана построить странноприимницу и больницу. Император охотно выполнил просьбу. Известно, что император Юстиниан построил и много других лечебниц. Так, византолог Дюканж в своей работе Historia Byzantina, II, Constantinopolis Christiana перечисляет 35 подобных учреждений в Городе. Что касается св. Сампсона, весь остаток своей жизни он посвятил служению ближним. После кончины он был погребен в церкви святого мученика Мокия. У гроба святого Сампсона, по имеющимся сведениям, совершались многочисленные исцеления. Его странноприимный дом и больница оставались открытыми, и святой не оставлял свои заботы о страждущих. Он дважды являлся к нерадивому работнику больницы и укорял его в лености. По просьбе почитателей святого Сампсона странноприимница была превращена в церковь, а рядом с ней было построено новое здание для приема странников. Во время сильного пожара Константинополя пламя не коснулось странноприимницы святого Сампсона; пролился сильный дождь, который потушил пожар. Больница св. Сампсона просуществовала с IV по XIV вв. Император Юстиниан расширил ее и превратил в крупное специализиро-

ванное медицинское учреждение, осуществлявшее как амбулаторное лечение, так и стационирование больных.

Должность «архиатра» (главного врача) существовала еще в античности. Юстиниан перевел таких врачей из муниципального ведомства на бюджет больниц. Главный врач подчинялся лишь директору больницы, ксенодоху, и имел в подчинении целый штат обычных врачей, служащих и медбратьев [3, с. 27–28]. Должность главного врача была достаточно важной, и он участвовал в официальных императорских церемониях [6, с.183]. Как профессиональное медицинское учреждение с несколькими видами специалистов описывалась, к примеру, больница монастыря Вседержителя (Пантократора), которую основали император Иоанн II Комнин и его жена Ирина, дочь короля Венгрии, в Константинополе между 1118 и 1137 гг. В монастырский комплекс входили церковь, библиотека, больница. *Типикон* (устав) монастыря говорил о больнице с 5 палатами, включая хирургическую и женскую, для психических больных (в основном, эпилепсия), офтальмологическую, а также отделение для амбулаторных больных. Общее число мест достигало 50. Больница имела постоянный штат врачей-специалистов (хирургов, повитух) и их помощников, которые работали в две смены, чередовавшиеся через месяц. В каждом отделении было по два врача, которые принимали и приходящих больных. Врачи получали жалованье деньгами и продуктами, пользовались бесплатным жильем и монастырскими лошадьми, но не имели права частной практики без специального разрешения императора. При больнице работала школа для обучения врачебному искусству. Предусматривалось отопление, освещение, постельное белье, а также помещения для купания и туалеты. При монастырях строились бани. Баня была местом врачевания: врачи предписывали больным баню 1–2 раза в неделю (в зависимости от заболевания) [3, с.153].

Кроме того, нужно отметить, что государство учитывало важную роль монастырей в деле просвещения и благотворительности, и византийские монастыри пользовались различными податными льготами, а также зачастую получали от правительства регулярные денежные вспомоществования. О таких ежегодных вспомоществованиях, называемых σολέμνια, ценные сведения сообщает «Податной устав» [1, с. 69]. Согласно *Corpus juris civilis («Свод гражданских правил»)* Юстиниана, богоугодные заведения находились в ведении местного епископа и, как правило, были при монастырях. Кроме того, в Константинополе многие приюты находились непосредственно в ведении государства (например, так называемый «Старый императорский дворец») [2, с. 85].

В четвертой части «Свода…» – «Новеллах» говорится о приоритете благотворительности и народного блага, что выражается, прежде всего, в заботе о наиболее слабых элементах. Так 74-я новелла говорит о служении людям как о задаче императорской власти; новелла 77 говорит о том, что заботу императора составляет благоденствие вверенных ему людей. В новеллах 80, 85, 148 читаем об ограждении подданных от всякого вреда и о доставлении им всякого блага, как о задачах, лежащих на государственной власти. Таким образом, в основу деятельности государственной власти кладется промышление о подданных (pronoia). Новелла 81 говорит, что забота эта имеет своим предметом общую пользу и благоденствие государства.

В заключение можно сделать вывод, что благотворительность в Византии была признанным общественным идеалом, которому старались следовать все слои населения, но наиболее она проявлялась в сфере медицины, образования, монастырского социального служения, в различных государственных социальных программах, и действовал этот идеал на протяжении всего тысячелетнего существования Византии.

Список литературы:

1. Острогорский Г.А. К истории иммунитета в Византии. // Византийский Временник. – М., 1958. – № 13.
2. Constantelos D. J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. – Athens, 1986. – 282 p.
3. Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. – Baltimor, 1985. – 325 p.
4. Miller T. S. The Legend of Saint Zotikos according to Constantine Akropolites // AnBoll. – 1994. – Vol. 112. – P. 339–376.
5. Miller T.S. The Orphans of Byzantium. Child welfare in the Christian Empire. – The Catholic University of America Press, 2003. – 345 p.
6. Oikonomides N. Les listes de prйsйance byzantines des IX et X siиcles. – Paris – 1972.
7. Ostrogorsky G. History of the Byzantine state. – Oxford: Blackwell, 1956. – 602 p.
8. Oxford Handbook of Byzantine Studies. – Oxford: Oxford University Press, 2008.– 1022 p.